



**Борис ГУЩИН**  
г. Петрозаводск

## Савелий – Савва. Каким его помню

*К 75-летию Саввы Васильевича Ямщикова,  
великого защитника русской культуры*

Стоял светлый солнечный сентябрь 1967 года. Туристический сезон заканчивался, моя жена Виола уже уехала в Петрозаводск, вскоре собирался ехать в город и я. Надо было закончить дела с инвентаризацией и консервацией экспозиции на зиму. Я продолжал жить в большой комнате с плитой и не предполагал никаких переселений и особых задержек на острове. Но из-за хорошей погоды на Кижы вдруг собралось достаточно много туристических групп, и мне было предложено остаться ещё на пару недель для проведения экскурсий.

А с переселением... Как-то с утра заходит ко мне в тёмных очках директор Владимир Иванович Смирнов и говорит:

– Переселяйся в маленькую комнатку без плиты. Проживёшь как-нибудь пару дней.

– Владимир Иванович, какие пара дней?! Самое меньшее я ещё буду здесь недели две. Как я без плиты?

– Тебе что сказано?! Переселяйся, и всё!

Надо сказать, что полковник в отставке, бывший военный журналист, Смирнов как администратор был таким барином-либералом. Но не с похмелья. Чёрные очки – признак похмелья. Здесь иногда случались лёгкие кратковременные заскоки самодурства. Я понял, что попал в такой заскок. А вообще-то к Владимиру Ивановичу мы относились хорошо. Он, военный до мозга костей человек («Все на военный совет». Вместо: «на учёный». Или секретарше: «У тебя, Лида, явно страдает штабная

культура»), люто ненавидел армию ненавистью сугубо штатского интеллигента с гуманитарным образованием. Водя экскурсии (часто неожиданно для себя из-за нехватки экскурсоводов), иногда в рабочей фуфайке и резиновых сапогах, любил цитировать своего любимого Александра Блока:

*... Россия, нищая Россия!  
Мне избы чёрные твои,  
Твои мне песни ветровые –  
Как слёзы первые любви!*

Есенин тоже цитировался.

От живой, интеллигентной естественной речи мужика в кепочке (внешне Владимир Иванович очень часто именно так и выглядел) экскурсанты балдели.

Пришлось мне переселяться. Вскорости пришёл полковник с начатой маленькой и разлил однок по стаканам:

– С новосельем!

А в коридор из соседней комнаты неслись вкусные запахи чего-то мясного и гитарные переборы:

*Не гляди назад, не гляди,  
Просто имена переставь.  
Спят в твоих глазах, спят дожди,  
Ты не для меня их оставь.*

*Перевесь подальше ключи,  
Адрес поменяй, поменяй,  
А теперь подольше молчи,  
Это для меня.*

Песню Евгения Клячкина в 1967 г. пели все приличные люди.

Закончив маленькую, мы с директором к ним и пошли.

В соседней комнате жили московские иконные реставраторы Кирилл Шейнкман, Вадик Зборовский, Витя Белов и их бригадир, мощного сложения Савелий Ямщиков со своей очаровательной, очень простой и милой в общении женой Сармой Холцман, манекенщицей из демонстрационного зала на ВДНХ. Когда изящная Сарма устраивалась на коленях у Савелия, то называла его: «мой диванчик». Образ той Сармы навсегда сохранился в фильме «Трын-трава», где бешеный сельский механизатор (С. Никоненко), поругавшись в очередной раз с женой (Л. Федосеева-Шукшина), едет в город, встречает по-городскому писаную красавицу и сгоряча говорит ей:

– Поедем со мной в деревню.

Та и отвечает ему:

– Поедем!

А механизатор-то перепугался и убежал.

Так вот, эту красавицу играет Сарма.

Нас, естественно, усадили за стол. Владимир Иванович довольно-таки быстро договорился с Савелием об издании нового путеводителя «Остров Кижы», где Савелию предназначалась глава о кижских иконах.

Книга вышла к следующему туристическому сезону. Авторами стали В.И. Смирнов, В.А. Крохин, В.И. Пулькин и С.В. Ямщиков.

К редактированию рукописи были привлечены и мы с Виолой.

Я обратил внимание на печку, которую только что разрисовали реставраторы. На одной половинке печурки красовался медвежонок в гранёном стакане (такие же в данный момент стояли у нас под носом). «Пей, не пей, а чтобы под носом стояло». Медвежонок звали Бишей. А на второй половинке печурки для Биши были написаны заповеди, из которых запомнились две первых: «Бойся падения метеоритов, Биша» и «Бойся первого порыва, Биша, ибо он благороден».

Реставраторы работали в Кижях уже второй сезон. Мы с Виолой первый. Мы составляли коллекционные описи на кижские иконы, и Савелий нам очень помогал своими консультациями. Савелий был потрясюще многогранен. Кроме реставраторства, он читал П.Н. Муратова «Образы Италии» (редкое дореволюционное издание), писал статью для кижского путеводителя, одну из статей для петрозаводского «Комсомольца» (о Фальконе) и готовился к выступлению на Карельском телевидении. Кстати, в 1960-е гг. на нашем телевидении не пускали на экран бородатых. Савелий был единственным исключением. Кроме того, частое застольное общение с кижскими друзьями – плотниками Борисом Ёлуповым и Константином Клиновым. На огромной бутылки с казённым спиртом были метки: «Борьке, Тармо, Генке», т.е. своим карельским друзьям. На туристических кораблях покупалось пиво.

Савелий никогда не отказывался от бесед с экскурсоводами музея на тему древней иконописи Карелии. А однажды он меня поразил тем, что, когда приехали какие-то болгары с плохим знанием русского языка, он взялся провести с ними экскурсию на болгарском. И провёл. Первая жена Савелия Велина Братанова была болгаркой.

При всей колоссальной общительности Саввы он всё-таки был достаточно избирателен. Помню, как наш завотделом этнографии Виктор Пулькин, будущий карельский писатель, постоянно обращался к нему или «маэстро Ямщиков», или «меся Ямщиков». И вот однажды Савелий обратился к нему так: «Ситуаэн (гражданин) Пулькин». Виктор Иванович задумался, обиделся, и больше они никогда уже не разговаривали друг с другом.

Живя в комнате без печки, мне хотелось чего-нибудь горяченького, и я пошёл к Савелию с просьбой взять меня на довольствие: шестым в их компанию. Савелий сказал:

– Это не ко мне. К Сарме.

У Сармы проблем не возникло. Я был сразу принят.

Кулинарная смелость реставраторов меня потрясла на следующий же день.

Кирилл, Виктор и Вадик собрались на охоту за

дичью на материк. Ушли с утра, явились к вечеру, изрядно поплутав в лесах.

Я спросил:

– Как успехи?

– Приходи вечером на жаркое.

Пришёл:

– Кого пристрелили?

– Да пару водяных рябчиков.

Пахнет роскошно. Тушёной с луком, перцем и лаврушкой. Смотрю, а у порога Кирилл выделяет шкурку ондатры. Вот, значит, какой водяной рябчик. Я не смог... и ушёл не солоно хлебавши.

Зато следующие дни были роскошными рыбными днями. К Савелию в гости приехали скульптор Гена Ланкинен с балериной Петрозаводского музыкального театра Вале́й Дорощенко и журналистами из «Комсомольца» Геноей Малышевым и Володей Сёминым. Савелий предварительно договорился о рыбе с одним рыбаком, и тот привёз полную лодку-кижанку лососей, сига, хариусов и судаков. Только мы забрали часть рыбы, Володя Сёмин начал снимать рыбака с его трофеями, рыбак жутко перепугался и рванул мотор. Больше мы его не видели, но рыбки поели вдоволь.

Через несколько дней реставраторы, кроме Савелия с Сармой, уехали в Москву, а мы всей этой компанией приехали в Петрозаводск. Савелий выступал на Карельском телевидении. А на следующий день этой же компанией с утра ходили по гостям: были у Владимира Ивановича, были у нас с Виолой, были в мастерской у Гены Ланкинена и вечером завалились в Дом актёра, куда нас не пустили по очень простой причине – мы были уже хороши. И напрасно Савелий доказывал, что он член, мол, четырёх творческих союзов. Не пустили, и всё тут.

К началу нового сезона вышел путеводитель, а Савелий приехал на остров, а заодно и в Петрозаводский музей изобразительных искусств с прекрасной задумкой – сделать в Москве большую выставку, посвящённую живописи древней Карелии. Савелий начал становиться тем будущим Саввой Ямщиковым, который прославит старинное русское искусство на весь мир.

Имя Савелий, мне кажется, казалось мелковатым для его друзей и коллег, и они ещё тогда частенько называли его Саввой, а за глаза Савкой.

Савелий приехал с фотографом – художником Станиславом Зимнохом снимать для каталога кижские иконы. Здесь мы столкнулись с одной сложностью. Огромные тяжеленные иконы местного ряда иконостаса Преображенской церкви нужно было вынуть из рамы иконостаса, вынести на крыльцо, провести временную линию электричества и только после этого снимать. Днём это

было невозможно. Туристы. Оставалась ночь. Савелий моментально договорился с электриком, пожарными, плотниками-реставраторами Б. Ёлуповым и К. Клиновым. Со мной можно было не договариваться – я был дежурным по музею. Мы все быстро сняли иконы, сфотографировали и поставили на место. После этого нас ждал отличный фуршет на крыльце Преображенской церкви, который устроил Савва.

К выставке был подготовлен не только каталог, но и набор диапозитивов.

В начале декабря 1968 г. иконы в Москву пришлось везти мне. Лёд был достаточно толст, чтобы по нему прошла лошадь с санями, но достаточно тонок, чтобы на него сел самолёт Ан-2. Поэтому пришлось везти иконы на лошади в Сенную Губу, где самолёт садился на поле. Как сейчас помню эту поездку с Константином Петровичем Клиновым по прозрачному гладкому льду, под которым, как в аквариуме, была видна жизнь обитателей озера.

В Москве – неожиданное приключение. Меня с иконами встретила машина с рабочими из выставочного зала на Кузнецком, которые погрузили иконы в машину, а мне предложили самому добираться до Кузнецкого. Что я и сделал. Меня там ждали. Стали ждать и иконы. А их нет и нет, хотя прошло уже несколько часов. Директор выставочного зала и главный хранитель в панике. Звонят по всему городу. Нигде нет машины, где она могла бы быть. Я звоню Савелию. Так, мол, и так.

– А ты документы у них видел?

– Видел.

– Ну и ждите.

Уже стемнело. Дело осложняется ещё и тем, что завтра праздник – День Конституции. Ещё той, сталинской. И, о, счастье. Около 18 часов приходит машина. Грузчики вдрызг пьяные. Сгрузив иконы, обращаются ко мне:

– Пойдём с нами в ресторан «Берлин». Отметим.

– Вы что, с ума сошли? Кто вас таких пустит?

– А мы не в западный, а в восточный.

Оказывается, «восточным Берлином» они называли пельменную рядом с рестораном «Берлин». Пришлось пойти.

Выставка намечалась на 28 декабря 1968 г.

Перед отъездом я зашёл к Савелию в мастерские им. Грабаря на Б. Ордынке, туда, где перед самой революцией была Марфо-Марьянская обитель. Помните финал рассказа И. Бунина «Чистый понедельник»? По-моему, его забыть невозможно. А теперь там реставраторы. Савелию ещё оставался ряд деловых визитов к чиновникам. Реставрационные дамы рекомендовали

ему надеть голубую рубашечку с цветочками и слегка завиться. Что Савелий и сделал. С Богом! Все визиты увенчались успехом.

Мы с Виолой в конце декабря вышли в отпуск и приехали на открытие. Выставка стала крупным событием в художественной жизни страны. И это сделал Савелий.

Он принимал гостей. Рядом стояла Сарма, нарядная, как новогодняя ёлка, о чём я тут же ей ляпнул, ничуть не обидев девушку.

– А как же иначе? Ведь на днях Новый год, – ответила мне Сарма.

Весь цвет Москвы был на открытии.

Мы познакомили Савелия с выдающимся реставратором, основателем нашего музея А.В.Ополовниковым. Знакомство это Ямщиков поддерживал до трагической гибели Александра Викторовича.

О выставке много писали. Сам Савелий написал о выставке в начале 1969 г. в петрозаводской газете «Комсомолец» в форме интервью со зрителями. Мы тоже были в этом интервью. Было очень приятно быть в одной компании с кинооператором Вадимом Юсовым, писателем Даниилом Даниным, актрисой Ириной Печерниковой и другими.

А на завтра мы с Виолой были в гостях у Савелия с Сармой в их маленькой квартирке на Симферопольской бульваре. Мы ели какое-то вкусное запеченное мясо с маринованной черемшой, а прямо перед глазами у нас на стене висели два портрета, сделанные Кириллом Шейнкманом: Савелий с первой женой и Савелий со второй женой.

Сарма сказала:

– У нас сейчас неделя приёмов. Только что были Коля Бурляев с Наташей Варлей.

Савелий мрачно заметил:

– Кажется, недолго им вместе быть.

– Савва, с чего ты взял?

– А вот увидишь.

Через пару лет столь же неоптимистический прогноз Савва выдал моим хорошим московским друзьям. Моя давняя приятельница вышла замуж и просила познакомить её и мужа с Савелием. Он пригласил нас в свою новую мастерскую во Всеволожском переулке. Мы очень мило у него посидели, а на следующий день он мне и говорит:

– Вместе долго не проживут.

Как в воду глядел. Очень скоро мои друзья расстались.

А в Петрозаводске в Музее изобразительных искусств разгорался скандал. Пропала икона из фондов, и директриса, ставленница, естественно, обкома КПСС, обвинила в этом, без всяких

оснований, реставратора Ямщикова, работавшего в этих фондах летом.

Прошло некоторое время, и икона была найдена в недрах музейного фондохранилища. Главный хранитель музея была уволена с работы, и Савелий вроде бы оказался полностью реабилитирован, но, по-моему, именно из-за этого случая он надолго стал невыездным.

Почти каждое лето Савелий приезжал в Кижы. Жил он не на острове, а напротив, в материковой деревне Ерснево у своего друга Бориса Ёлупова. Там же жили и его друзья, которых он привозил. Мы жили на острове, и к нам он заходил всегда. Ещё на острове он заходил к нашим реставраторам древнерусской живописи Ирине Гурвич и Галине Поповой. С музейным начальством после Владимира Ивановича дружбы никакой не было больше никогда.

Возможно, это случилось где-то году в 1970, когда директором в Кижях был Вилхо Арвидович Ниemi, при котором, по мнению большинства кижжан (по-моему тоже), был «золотой век». У Савелия же случилось вот что. Он договорился с замдиректора по научной части музея о реставрации икон церкви Лазаря Муромского частным порядком. Отец заместителя был рабочим в музее и по просьбе сына увёз иконы в Москву. Директор же об этом и слухом не слыхивал. Когда же он получил договор от своего заместителя, тот только узнал, что на реставрацию икон нет ни копейки денег. То есть иконы нужно срочно возвращать в музей. Отказался. После некоторых размышлений в командировку решил поехать я. Конечно, мне было больно и неприятно ехать с мыслями, что после этого я, возможно, навсегда потеряю дружбу крутейшего в подобных ситуациях Саввы.

Естественно, что Савва обругал всех музейщиков-кижан пофамильно. К счастью, скальпель реставратора ещё не коснулся икон. Они были только сфотографированы. Мне хотелось как можно быстрее убраться из подвала во Всеволожском. Савелий кое-как упаковал иконы, вызвал такси и, кроме того, сказал мне, где я могу на Ленинградском вокзале найти рабочих, которые по-нормальному упакут иконы. Я понял, что с Саввой мы не поссорились. На душе стало легче.

Вскоре Ниemi сменила Валентина Матвеевна. Я как-то пошутил, что Валентине Матвеевне всё равно чем руководить, музеем или столовой. Свою трудовую деятельность Валентина Матвеевна и впрямь кончила на посту директора столовой Дома политпросвещения. Хорошая столовая была.

Савелий снова приехал снимать наши иконы для нового издания и попросил меня представить его директрисе. Савелий приехал с того

берега в довольно-таки экстравагантном наряде, и мы пошли в кабинет к Валентине Матвеевне. Она писала какие-то бумаги, похоже, была не в настроении, и, не отрываясь от документов, кивнула нам, приглашая сесть. Савелий сел прямо напротив неё довольно-таки близко. Разговор был коротким, пожалуй, только официальное представление московского реставратора. И вот Савелий встаёт и идёт к выходу. Валентина Матвеевна вдруг увидела, что на Савелии короткое красное японское кимоно выше колен, а на спине огромный чёрный петроглиф, похожий на паука. Возмущению её внешним видом наглого москвича не было предела. Дружбы не получилось. А снимать надо.

К счастью, Валентина Матвеевна на несколько дней уехала в Петрозаводск, и мы той же компанией в тёплую грозовую ночь всё сняли, что надо. Директриса ничего об этом так и не узнала.

Большинство Саввиных гостей на острове заходили к нам: иногда вместе с ним, иногда по его рекомендации. Особо вспоминаются некоторые из них. Неоднократный чемпион мира и олимпийский чемпион по фигурному катанию, партнёр Ирины Родниной Алексей Уланов жил на острове, кажется, больше недели. Человек он был редкой скромности, подружился со многими музейными экскурсоводами и часто играл на казённом музеем баяне. Девушки-экскурсоводы, видя незвёздную внешность чемпиона, решили с согласия Лёши провести своеобразный эксперимент: поставить его на контроль отрывать входные билеты, проверить – узнает его кто-нибудь или нет. Слава Родниной – Уланова гремела тогда на весь мир. И вот скромняга Лёша встал на контроль. Народ пёр толпой, не признавая героя. И только одна женщина в самом конце толпы остолбенело спросила:

– Простите, ваша фамилия не Уланов?

– Уланов, Уланов. Проходите, – ответил ей Лёша.

Столь же забываем в Кижях прямо с противоположной стороны был художник Лавр Лындин. На него буквально все обращали внимание. Особенно женщины. Обаятельный, улыбчивый, любвеобильный Лавр был копией Юрия Гагарина. Да и представлялся он часто как Юрий брат. За это сходство кинорежиссёр Игорь Таланкин пригласил его сняться в фильме «Укрощение огня» в эпизодической роли первого космонавта. Но вот что удивительно. Насколько Лавр Лындин в жизни был похож на Ю. Гагарина, настолько его внешность далека от образа Гагарина в фильме. Почему так получилось? Мне непонятно. Лавр вскоре навсегда уехал в Италию. Через много лет он с дочерью на туристическом теплоходе

приехал в Кижы снова. Нашёл нас с Виолой. И снова удивил нас своей внешностью. Копия Александра Солженицына.

Незабываема встреча и ещё с одним киногероем. Я вёл экскурсию, и заканчивать её мне пришлось под проливным дождём. Я поспешил домой. За столом пили чай Виола и какой-то мужчина с дамой. Весь промокший и продрогший, я машинально произнёс:

– Хорошо сидим!

И женщина мне отвечает:

– Знаете, в Советском Союзе все, увидев нас, произносят эту фразу.

Конечно же, тут я сразу узнал западногерманского журналиста Норберта Кухинке, сыгравшего роль датского профессора в фильме Г. Данелии «Осенний марафон». Вскоре Норберт сыграет в следующем фильме Данелии «Настя». Женщина оказалась Катей, женой Норберта. Мы провели с Кухинке всю вторую половину дня с ощущением, что знакомы с ними всю жизнь. Перед расставанием Катя сказала нам:

– Если вам будет когда-нибудь плохо, вы придёте к нам, и мы вас СПАСЁМ.

Норберт вскоре прислал свою книгу «Россия на кресте».

Зимой мы съездили в Финляндию. В Хельсинки нас насмешила наша новая знакомая Зина, которая спросила у нас:

– Скажите, а вы не знаете в Советском Союзе случайно Савелия Ямщикова?

Мы обрадованно закричали:

– Знаем, знаем!

На что Зина сказала:

– Передайте тогда ему привет от той финской девушки, к которой он приставал в Петрозаводске у гостиницы «Северной».

Когда я передавал этот привет Савве в подвале на Всеволжском, Савелий сказал:

– Не помню, может, и приставал.

Тепло и радостно всегда бывало в подвале у Саввы. Здесь собиралась вся элита тогдашнего Советского Союза. И элита эта была самая настоящая, а не полуграмотная охлократная нынешняя. Я с удовольствием вспоминаю сидение за одним столом с такими людьми, как журналист Юрий Рост, художники Сергей Алимов и Борис Мессерер, Бэла Ахмадулина, кинорежиссёры Денис Евстигнеев и Юлий Файт, директор Русского музея Василий Алексеевич Пушкирёв, солист балета театра «Эстония» Тийт Хярм, хоккеист Вячеслав Старшинов. Постоянно за столом сидел коллега Саввы – реставратор Сергей Галушкин.

Был свидетелем в этом подвале и некоторых драматических моментов. Об одном я уже рас-

сказал. А вот и следующий. Я зашёл к Савелию, когда тот говорил по телефону. Я обратил внимание на некую необычность телефонного разговора. Обычно разговор Саввы по телефону – это длинный монолог, который жутко интересно слушать невольному, а иногда и вольному свидетелю. Здесь же Савва не проронил ни слова, только слушал, багровея и мрачней. Потом рявкнул одно слово:

– Вешать, – и хрястнул трубку на телефон.

Савва сделал великолепную выставку о работе советских реставраторов, которая должна была демонстрироваться в Париже. Кого только не напихали в делегацию! Как выразился Савва: «Одни кагэбэшники». Савву, конечно же, не пустили. Ведь он невыездной.

– И вот, ты представляешь, эти чекисты звонят мне сегодня из Парижа и спрашивают: «Савва, что делать с иконами?»»

Вскоре Савва со своим неразлучным коллегой Сергеем Галушкиным перебрались в новую мастерскую на Кропоткинской, во двор бывшей Поливановской гимназии (теперь там музыкальная и художественная школа), на второй этаж бывшего каретного сарая. Конечно, это никакой сейчас не сарай. Мне хотелось, чтобы Савелий – Савва перебрался в соседний Савельевский переулок. И переименовывать не пришлось бы.

На Кропоткинской запомнилось одно мощное сидение. Была уже середина октября. Я зашёл к Савелию без предупреждения. Просто был рядом. Мастерская закрыта. Я оказался не один. Савелия уже поджидал здоровенный мужик, с которым мы тут же познакомились и сразу же отравились в магазин через дорогу.

Это был один из лучших друзей Саввы – псковский кузнец Всеволод Смирнов. Мы начали общение, разложив выпивку и закуску прямо в коридоре у мастерской. Вскоре появились Савва с Сергеем. Савва нас обматерил и запустил в мастерскую. Начал стекаться народ. За столом я оказался рядом с симпатичным пожилым человеком, которого Савелий называл «Эдмунд Эдмундович». Пожилой был со своим юным другом, который представился мне как Костя.

– Костя, а вы кто?

– Я парикмахер.

Странный юноша. В это время в Советском Союзе не только не было секса, но не было и стилистов с визажистами.

Я тихонько спросил Костю:

– А кто такой Эдмунд Эдмундович?

На что Костя мне так же тихонько ответил:

– Неужели вы не знаете? Это корреспондент «Санди таймс». Эдмонд Стивенс.

Слышать о нём я, конечно, слышал. Даже читал в мемуарах Ильи Эренбурга о том, как Стивенс стал постоянным корреспондентом «Санди таймс» в СССР ещё со времён Великой Отечественной войны. А вот теперь и познакомился.

Эту парочку я встретил через несколько дней на Таганке. «Мастер и Маргарита». Мы встретились как старые добрые знакомые и наперебой расхваливали Шоповалова – Понтия Пилата и Дыховичного – Коровьева.

Через много лет, уже после смерти Э. Стивенса, я спросил Савву:

– А Эдмунд Эдмундович – шпион?

– Разведчик. И нескольких разведок.

До сих пор не знаю, пошутил Савва или нет. Мог ведь и пошутить.

За столом разгорелся спор о том, может ли искусство быть альтруистическим или настоящее искусство всегда связано с деньгами. Огнепоклонник Всеволод встал и начал монолог о том, что лично ему наплевать на любые деньги, лишь бы иметь возможность гнуть раскалённое железо и превращать его в произведение искусства. Свои слова кузнец сопровождал мощными профессиональными движениями. Я смотрю, Савва слушает своего друга как-то невесело, более того, постепенно мрачнеет и мрачнеет. Наконец он осаждает героя:

– Севка, хватит. Здесь тебя не все знают. Так что лучше расскажи нам, зачем ты сейчас в Москву приехал. Ты дачу... (Савелий назвал фамилию крупного деятеля) оформлял? Оформлял, а сейчас приехал железо ковать для... (не менее известная фамилия). Так что замолкни. Бессребреник нашёлся.

Всеволод стушевался, но ненадолго. Моментально протрезвел, но как-то не чувствовалось, что на Савву он очень-то обиделся. Вся жизнь они были и остались лучшими друзьями.

Сергей Галушкин рассказал:

– На днях у Саввы был день рождения. Гидон Кремер приходил со скрипкой. Он играет, а Савва говорит: «Мужики, давайте окно откроем». – «Савва, холодно ведь». – «Ничего, пусть они (соседи) хорошую музыку послушают. Им это полезно, а то жалуются, что из наших окон только мат и слышен. Сыграй им, Гидон».

Савва решил похудеть. Худел он грамотно. По рекомендациям Института питания. Не пил, не курил, ел творог и, кажется, гречку. Похудел. На телевидении выступал красавец писанный. Но, как мне кажется, именно после похудения он тяжело заболел и лет на десять был выключен из всякой общественной жизни. Общался он с ограниченным количеством людей. Я, приезжая в

Москву, всегда звонил ему домой, он выспрашивал кижские и петрозаводские новости, но к себе домой не приглашал, говоря, что он очень плохо себя чувствует, но будет всегда рад, когда, будучи в Москве, я позвоню ему. Что я и делал много лет подряд.

Савва после многих лет физических и психологических страданий всё-таки выздоровел. Ему и его больному брату очень помогала мама, которая до конца своих дней была с ними. Воссоединилась с ними и жена Саввы, известная балерина Валентина Ганибалова. За последние пять лет жизни Саввы я не видел более счастливой семьи: Савва, Валя и Марфа.

И если до болезни Савва Ямщиков был пропагандистом русской культуры, то после болезни его радение за судьбы не только русской, но и мировой культуры (вспомним историю с «балдинской коллекцией») приобрело подлинное величие в истории нашей страны. Его совершенно заслуженно и справедливо называли «реставратором всея Руси».

А нам с Виолой в Москве теперь стало несколько сиротливо. Там не стало нашего обаятельного, доброго, умного, широко образованного и внимательного коллеги и друга. (Он же – ниспровергатель всяческих авторитетов.) Савва присылал нам пригласительные билеты на все открываемые им выставки. Мы получали от него если не все, то большинство каталогов и альбомов, издаваемых им; красивейшие открытки, которые издавали его друзья, в частности Саша Быков, и вырезки из газет с его статьями. Савва очень хо-

тел, чтобы мы были вместе с ним и поддерживали его во всём.

А теперь о самом главном.

После смерти Саввы Васильевича Ямщикова подобного борца за сохранение культурного наследия России в его первоизданной чистоте (это касается не только живописи) в нашей стране нет.

И это сознают многие люди искусства.

Я бы мог написать подробно о содержании деятельности С.В. Ямщикова, но не делаю это по простой причине. В 2010 г. в издательстве НО «ИЦ Москвоведение» вышла книга воспоминаний о С.В. Ямщикове, которые собрала и издала журналист «Известий» Гузель Агишева. Савва в них живой, интересный, не приукрашенный. А о значении Саввы Васильевича в нашей истории говорит само название книги: «РЕСТАВРАТОР ВСЕЯ РУСИ».

**Фотография из фондов музея «Кижь»  
Октябрь 1967 года. Заонежье.**

**деревня Моталово.  
Слева направо:  
Савелий Ямщиков,  
Борис Гущин,  
Геннадий Ланкинен.**

### **Борис Александрович ГУЩИН**

(род. в 1941 г.).

*Старший научный сотрудник*

*Государственного историко-архитектурного  
и этнографического музея-заповедника «Кижь».*

*Историк, этнограф, писатель, театральный критик,  
член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.*

*Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого,  
повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),*

*«Тысяча вторая ночь» (2011 г.).*

*Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.*

*Живет и работает в Петрозаводске.*

